

- Активизм творца, переходящего границы объективно возможных и необходимых прогрессивных изменений, ведет к волюнтаризму, вырождающемуся в пандемию насилия.
- Пассивность конформиста в эпоху назревших перемен рождает скуку за канчивающейся историей, оборачивающуюся для человеческого сообщества социальной «чумой» фундаментализма разного рода.
- «Средства» социального творчества не могут иметь формы более отчужденные, нежели его цели; движение к свободе не может осуществляться при помощи институтов подавления свободы.

О ПОМЕТАХ Г.В.ПЛЕХАНОВА НА КНИГАХ С.Ф.ПЛАТОНОВА

Х.Сакамото (Токио)

В Доме Плеханова сохраняется три книги Платонова, принадлежавшие Плеханову и записанные его пометами: «Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века, как исторический источник», «Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI-XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и социальных отношений в Смутное время)» и «Лекции по русской истории»(1), и еще тетрадь(2), в которой Плеханов записал заметки, читая вторую книгу. Эти материалы помогают нам выяснить, как он относился к историческому взгляду Платонова. В тетради под номером 193 Плеханов пишет: «286.-Значение подкрестной записи Шуйского. Оч. важно»(3). А в 286-ой странице книги «Очерки по истории смуты ...» Плеханов отмечает боковой линией и знаком NB строки: «Дело разъяснится, если мы станем на ту точку зрения, что «запись» царя Василия есть не договор царя с боярами, а торжественный манифест нового правительства, скрепленный публичною присягою его главы и представителя. Царь Василий говорил и думал, что восстанавливает старую династию и старый порядок своих прародителей «великих государей». Старый порядок он понимал так, как понимали люди его круга - родовитая знать, княжата, задавленные опричниною и теперь поднявшие свою голову». В своем труде «История русской общественной мысли» Плеханов, отклоняя взгляд Ключевского на подкрестную запись Шуйского, что она явилась плодом сделки бояр с новым царем, пишет: «Гораздо более вероятным представляется мне тот взгляд профессора Платонова, согласно которому подкрестная запись царя Василия вовсе не была ограничительной, а являлась только торжественным манифестом нового правительства, скрепленным присягою его главы»(4). Из этого видно, что во взгляде на подкрестную запись Шуйского Плеханов стоял ближе к Платонову, чем к Ключевскому. В странице 287-ой книги «Очерки по истории смуты ...» Платонов пишет: «Так в записи царя Василия выразилось настроение аристократического кружка, владевшего тогда Москвой и думавшего править государством. Желая возратить дворец и государство к давно утраченным аристократическим тенденциям, этот кружок ...». Эти строки Плеханов отмечает боковой линией и знаком NB и делает к ним заметки: «287 - NB. Вполне верно»(5). С этой точки зрения Плеханов в труде «История русской общественной мысли» критически относится к мнению Ключевского, что воцарение Шуйского составило эпоху в поли-

тической истории России, так как новый царь ограничил свою власть и довел об этом до сведения жителей своего государства в особой разосланной по областям записи, на которой он целовал крест. Плеханов пишет: «Никакого нового движения понятий в ней не заметно. Поэтому и воцарение Шуйского не может считаться новой эпохой в нашей политической истории»(6). Ясно, что здесь взгляды Плеханова и Платонова вполне совпадают, отличаясь от взгляда Ключевского.

На 404-ой странице книги «Очерки по истории смуты ...» Плеханов подчеркивает высказывание Платонова о договоре 4-го февраля 1610 г.: «В отношении же общественного строя составители февральского договора стояли в той же мере, как и царь Василий, за сохранение и утверждение крепостного порядка в Московском государстве. ... холопы должны были служить господам на старом основании, и предполагалось, что «вольности им государь его милость давать не будет» и записывается в тетради заметки: «NB Консервативный характер требования тушинских москвичей NB 404. - Крайне важно»(7). Из этого, кажется, можно сказать, что Плеханов разделял с Платоновым мнение о консервативном характере договора 4-го февраля. Но в 203-й странице XX-го тома сочинений Плеханова (редактор - Рязанов) он будто бы написал: «Договор 4 февраля, несомненно, ставил некоторые преграды царской власти. Так, например, изменять законы и судебные обычаи новый государь мог лишь с согласия бояр и «всей земли»». Это - значительное ограничение. Но и здесь никак нельзя согласиться с проф. Платоновым, который полагает, что оно «имело целью не перестройку прежнего политического порядка, а, напротив, охрану и укрепление «звичаев всех давних добрых» от возможных нарушений со стороны непривычной к московским отношениям власти». Когда, несколько лет спустя, избран был в цари человек русского происхождения, к нему отнеслись с меньшим недоверием и потому уже не так заботились, - если вообще заботились, - об ограничении его власти». Принимая в соображение совпадение взглядов Плеханова и Платонова о характеристике договора 4-го февраля, мы можем указать, что здесь не должно быть так, как «ни-как нельзя согласиться с проф. Платоновым», а как «никак нельзя не согласиться с проф. Платоновым».

В заключение мы можем сказать, что рукописные материалы и пометы на книгах в Доме Плеханова еще составляют «материальную целину» для изучения взглядов Плеханова.

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПОНИМАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА У ГЕОРГИЯ ПЛЕХАНОВА И ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛОМ В РОССИИ КОНЦА ПРОШЛОГО ВЕКА

Вэй Сяопин (Пекин)

В книге «О развитии монистического взгляда на историю», опубликованной в 1895 г., Георгий Плеханов излагает свое понимание исторического материализма в полемике с другими мнениями; кратко критикует все эти мнения, чтобы объяснить историческое развитие на основе другого характера человека, в конечном счете — по уровню производительности. Данная работа представляет попытку проанализировать различное содержание характера человека и его различные функции в связи